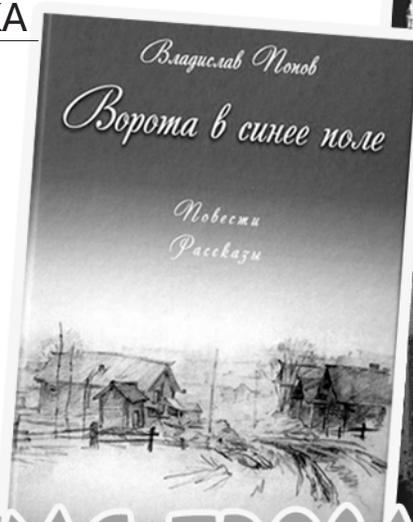


**Андрей
ПЕТРОВ**

г. Архангельск



ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА РУССКОГО СЕВЕРА СЕГОДНЯ

Федор Абрамов в 1976 году на VI съезде писателей СССР говорил: «Общеизвестно, что так называемая деревенская проза давно уже вышла на передовые рубежи нашей литературы.

Я бы сказал больше: она во многом определяет лицо современной литературы».

Феликс Кузнецов в 2012 году отмечал, что деревенская проза «была прозой бытийной, историко-философской, вынесшей на общественное обсуждение коренные, фундаментальные вопросы нашего исторического бытия».

Вот тут-то и настораживает словечко «была». Значит ли это, что о величии деревенской прозы сейчас можно говорить только в прошедшем времени?

Есть ли достойные преемники у великих писателей-деревенщиков – ушедших:

Федора Абрамова, Василия Белова, Александра Яшина, Валентина Распутина, Бориса Можаева, Виктора Астафьева, Владимира Солоухина, Евгения Носова,

и ныне здравствующих:

Владимира Личутина, Виктора Лихоносова, Владимира Крупина, Юрия Галкина?

Как живет современная деревня? Какие проблемы волнуют современных сельских жителей?

Как эти проблемы отражаются на судьбе России в целом?

Какова социальная роль писателя, пишущего на сельские темы сегодня?

Не рано ли мы хороним современную русскую деревню?

Вопросы непростые: есть о чём задуматься, есть что обсудить, есть над чем поработать...

И все-таки хорошая, качественная деревенская проза появляется и сейчас, что особенно отраднo, глубокие произведения о деревне создаются на Русском Севере, в «краю родникового слова», по определению Федора Абрамова.

В 2018 году в московских издательствах вышли две книги современных северных авторов: Натальи Мелёхиной из Вологды и Владислава Попова из Архангельска. Об этих книгах хотелось бы рассказать.

**Наталья Мелёхина. «ЖЕЛЕЗНЫЕ ЛЮДИ» .
(Москва: Издательство «Э», 2018)**

У этой книги замечательная аннотация: «Какова она, перестроечная деревня? Многие и не знают. А некоторые, наверное, думают, что она умерла. Но нет, жива». А иллюстрация на обложке – та самая красная телефонная будка, которых понатыкали в заброшенных деревнях как в насмешку. Некуда было денег потратить? Надо было отчитаться перед кем-то? А кому звонить? Разве только Богу? Что и делает деревенский дурачок Женя Иванов из рассказа «По заявкам сельчан», которым открывается книга: «пусть ума и не дал ему Бог, но зато дал чуткий слух и богатый голос», – пишет автор. Пошутил было над дурачком герой рассказа Вадим, но вот что вышло: «Женя добрался до телефонной будки, снял трубку и беспорядочно понажимал на кнопки. Затем внятно и громко произнес: – Алё, Боже? Это я, Господи, Женя из Васильевского. Помогите мне, Отец Небесный, домой вернуться, избу свою отыскать». Горло перехватывает... И вот такие они все, рассказы Натальи Мелёхиной. Всегда какой-то спазм, приступ жалости ли, безысходности ли. Нет, пожалуй, не отчаяния, а горечи. И в то же время что-то обнадеживающее есть – не всё потеряно, жива душа!

Рассказы трогательные и парадоксальные. И названия порой такие же. Вот, например, «Забывай как звали». А еще довольно жесткие, безжалостные, нетерпимые к фальши, морализаторству. В этом плане наиболее показателен рассказ «Что мы знаем о хлебе». Так он начинается: «...Вы поколение, выросшее в тепле и заботе, не знавшее ни войны, ни голода! Что вы знаете о хлебе?! – взревел бородатый писатель». Да много знают сельские ребята о хлебе: и как он трудно дается, и как легко пропивается беспутными родителями, и каков он, хлеб-соль настоящей мужской дружбы, и что такое пресловутая социальная несправедливость...

В книге есть замечательные рассказы про животных, написанные в лучших традициях натуралистической литературы, но со своим, особым подходом («Сердце без лапок», «Как Байкала хоронили», «Шмелиный сон»). Есть откровения о мире деревенского детства – вольном, загадочном, насыщенном, в нем легко рождаются мифы и сказки («Мазега», «Витькина конфета»). Есть проникновенная

лирическая зарисовка о пробуждении юношеского чувства, «когда сердца становятся особенно уязвимыми» («Бабочка в лабиринте»), и яркая, сочная новелла о зрелой, сильной, но все равно ранимой и такой хрупкой любви («Счастье луковое»).

А люди сколь хороши и колоритны – душевные, настоящие! Вот крупная, сильная, не склонная к сантиментам Евгения Ивановна из рассказа «Трактористка» со всегда красным, «как разрезанный поперек арбуз», лицом, по которому вдруг потекли «непривычные для нее и, наверное, потому такие крупные соленые капли». А вот Ритка из рассказа «Оркестр играл» – скромная, зачуханная. Вызвали ее на сцену, чтоб наградить как лучшую скотницу – зарделась, смутилась. Но вот начался концерт оркестра «Надежда» из школы-интерната для слепых и слабовидящих детей – «Риткино жальчивое сердце защемило от сочувствия», и ухнула она половину своей премии в качестве пожертвования. «Что-то такое произошло после концерта, под звучание маршей, блюзов, гимнов деньги перестали быть просто деньгами, сменилась сама суть их и предназначение. Банкноты, заработанные самым тяжелым трудом – трудом на земле, теперь были чем-то чистым и неоскверненным наподобие бескровной жертвы». А какой удивительный трагикомический любовный треугольник описан в пронзительном рассказе «Паутинка любви»!

Зачины у рассказов Н. Мелёхиной емкие, обещающие, интригующие. Вот «День деревни»: «В возрасте сорока двух лет гитарист Игорь Рудин впервые в жизни оказался в деревне». Постигание деревни сугубо городским жителем, его вовлечение в ход и строй деревенской жизни очень поучительно и увлекательно показаны в рассказе.

Или как вам такое начало: «На поминках у старой доярки Параси было шумно и весело». И уже очень хочется узнать, почему же так – это рассказ «Парасин крест». Или: «В совершенно заурядный ноябрьский вторник в жизни пятиклассника Витьки случились сразу два важных события». И нас в рассказе «Витькина конфета» ждет неожиданный поворот сюжета – откроется настоящий духовный клад.

Трогательно-щмящие рассказы об уходящем: стариках деревенских, о самих деревнях – мертвых, заброшенных. «Брошенные избы в вологодских деревнях напоминают покинутых стариков. Особенно удручает их вид в осен-

нюю непогоду. По немывтым оконным стеклам ползут капли дождя, и под мелкой моросью окна похожи на вечно слезящиеся старческие глаза. И шершавая поверхность бревен – это сухая кожа, покрытая пигментными пятнами от сучков», – так начинается изумительный рассказ «Яша и Маша».

Завершает книгу цикл рассказов про дядю Гришу. Именно оттуда взят образ, давший название сборнику, – «Железные люди». Почему железные? Что-то негибкое, прочное, незыблемое? Нет, всё просто, обыденно: «Дядя Гриша и его племянник Димка, старый и молодой сборщики металла, были похожи друг на друга не только по-родственному <...> они оба словно нарастили металлическую чешую поверх желтоватой от болезни кожи». А чем еще прикажешь жить в разоренной деревне? Но рассказы цикла несмотря ни на что – оптимистичные, жизнеутверждающие. И не об одном дяде Грише речь, а обо всей его дружной семье, о наследниках его, составляющих надежное древо жизни (рассказы цикла так и называются – «Наследники» и «Древо жизни»).

И еще одна цитата из издательской аннотации этой книги: «О трагедии российской жизни Наталья Мелехина рассказывает без надрыва, легко, выразительно, иронично». Читаешь книгу, улыбаешься или грустишь, восхищаешься языковыми находками или удивляешься точности психологических зарисовок, и вдруг обнаруживаешь, что строки расплываются от слез – светлых, чистых, одухотворенных. Хотите испытать подобное? Ищите и читайте эту книгу! И напоследок финал чудного и доброго рассказа «Тяга»: «Дядя Гриша, пряча улыбку, плелся впереди, а за его спиной вязла в пашне вереница потомков. Они тянулись за отцом и дедом, как птичий клин за вожаком, и в темноте дядя Гриша слышал их молодой, похожий на хорканье вальдшнепов, говор и смех».

Владислав Попов. «ВОРОТА В СИНЕЕ ПОЛЕ».
(Москва:
Издательский дом «Сказочная дорога»,
2018)

Первая книга прозы Владислава Попова называется «Ворота в синее поле». В заглавии заключен образ необычный, символический, предполагающий разные толкования. Одноименный рассказ всё проясняет, но все-таки остается послевкусие первого впечатления – что-то неуловимо романтическое, устремленность куда-то – в мир хрупкий и загадочный. Да и начинается сборник с самого заветного, трогательного – маленькой повести «Росняной хлебушек», в которой мы смотрим на мир глазами ребенка, восприимчивого, чистого фантазера: первые очарования и разочарования, горести и радости, страхи и подвиги...

А потом и вовсе идут фантастические истории, и тоже в детской интерпретации, при этом ведь любые чудеса возможны. А как любит автор своих чудаковатых героев! Вот «Муля на колесиках» – и тут опять появится доброе и вкусное слово «хлебушек», правда, контекст будет не очень веселый. А там и «аллейка», и «пароходик», и «лужицы», но без слащавости, душевно. И другой чудный образ – «Дурочка»: трепетно, изящно, легко, без какого-либо намека на иронию и, не дай бог, цинизм: «Дурочка – и всё тут. Но над ней не смеялись, а, наоборот, жалели». В прозвище нет ничего обидного, как казалось маленькому герою рассказа. За этим образом – судьба горькая и печальная, щемящее сочувствие автора ощущается.

Ну а дальше вроде бы всё до боли знакомое, реалистичное до мельчайших подробностей, и поэтому еще больше оно прошибает. Вот «Роза и Красная площадь». Героиня рассказа Розка – нет, не дурочка, но чудная все равно. Мечта у нее красивая, теплая такая: хочет она оказаться в Москве на Красной площади в Новый год. Она – большой ребенок, даром что учительница. И опять у автора мелькают уменьшительно-ласкательные словечки: «пальтецо», «пуговки», «Нинушка». Умилительно и трогательно описывается, как Розка собиралась в дорогу, как одевалась в складчину, как поехала на станцию, как ждала на вокзале поезда, как вспоминала детство детдомовское. «Вот же еду. Всё у меня получается. Почему Галя считает, что я еще не взрослая? А взрослая – это как?» И вот Красная площадь – разве не чудо! Но чудо грубо было оборвано – несправедливо, подло. И это так страшно, так

буквально под дых. Финальное: «Я домой хочу!» переворачивает душу.

И дальше, дальше... Один персонаж колоритнее другого, одна судьба сложнее другой. Вон старуха Хитриха из одноименного рассказа (всё что-то хитрит). И опять маленькая, почти детская фигурка, опять большой ребенок с детским незамутненным взглядом на мир, но и с детской же упрямой, неосознанной жесткостью. И снова в центре образ молоденькой сельской учительницы, ее глазами мы смотрим на деревню, на деревенских жителей. А как описана эта самая деревня! Подробно, до тошно, с любовью и любованием. Читаешь, и создается ощущение реального присутствия в месте действия. И говор, говор! Круглый, перекатывающийся, колоритный, вкусный. А словечко-то какое – «басёна»!

Среди замечательных женских образов, с любовью создаваемых писателем, – Алька из рассказа «Сосновый мед», и тоже с чудинкой, с открытостью, распахнутостью, столь органичной в ее родном природном мире.

А потом идут герои-мужики – основательные, надежные. Федор в заглавном рассказе «Ворота в синее поле» – щемящая боль, незаживающая рана. Хороший человек не может не страдать, как это часто бывает, и в этом его страдании подлинная жизнь, но и обостренное чувство несправедливости. Картина, произведение искусства, давшее название рассказу, переворачивает жизнь и сознание героя.

Вот Петр Порохин из рассказа «Последний козел деревни» – трогательный, почти шукшинский чудик, которому автор приготовил пережить фантастическое приключение, густо замешенное на деревенском реализме. Или вот рассказ «Доля». Думаете, о судьбе, о доле человека? Нет, имя героя Доля Иванович по прозвищу Курмушка – древний старик, знатный рыболов, шла на него рыба. Или вот Митрич, герой рассказа «Митрич и его собака»: к хорошим людям и собаки прибиваются такие же хорошие, понятливые и добрые. Замечательные, колоритные Миша и Гриша в рассказе «А где-то плывет рыба», Павел Иванович и Василий Лаврентьевич в рассказе «Колеса», в котором автор предлагает читателям послушать неспешный мужской разговор о прошлом, о дорогом, о памятном – «стоскнулось мужикам». И хорошо, добротное!

«Если бы люди были как дети, было бы проще», – так говорится в одном из рассказов Владислава Попова. А ведь верно!

□

Андрей Васильевич ПЕТРОВ

родился в 1964 году в г. Северодвинске Архангельской области.

Окончил Архангельский педагогический институт.

Доктор филологических наук,

профессор кафедры русского языка и речевой культуры

Северного (Арктического) федерального университета

имени М.В. Ломоносова (Архангельск).

Автор более 200 научных и учебно-методических работ, среди них книги:

«Современный русский язык. Безлично-модальные предложения»,

«Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка»,

«Система безличных предложений в современном русском языке»,

«Простые звуки родины моей...» Язык поэзии Ольги Фокиной».

Публиковался в журналах: «Русская речь», «Русский язык в школе»,

«Филологические науки».

